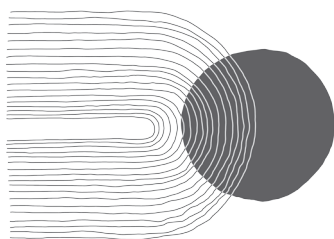

Фие и Фрэнку

Будь моя воля, я бы вас клонировала

1

Мне пора было собираться на вечеринку: первый выход в люди с тех пор, как меня убили. Вместо этого я ковырялась в душевом сливе, сквозь который еле проходила вода, отчего ванна изнутри покрылась мыльными разводами и хлопьями грязи. В общем, я была не одета — ни туфель, ни серег, ни трусов. Гольшом сидела в ванне и, скрючившись над сточным отверстием, пыталась разогнутой проволочной вешалкой достать оттуда клочок волос другой женщины.

Вешалка проскребла по стенке трубы раз, другой, но затем — успех! — воткнулась во что-то мягкое.

— Я уже в брюках! — крикнул Сайлас из-за двери.

Услышав его, я вздрогнула, и кончик вешалки выскочил из слива вместе с комком жирной слизи. Я выругалась.

— А теперь и в носках! — добавил Сайлас.

Я снова засунула вешалку в сливное отверстие. Глупо ли жалеть ванну, которая удерживает всю эту воду, пропускает ее сквозь себя? С учетом того, сколько времени в ней проводят за мытьем, бедняжка наверняка рассчитывает на чистоту.

— Завязываю галстук, — сообщил Сайлас. — Мне осталась минута. Две.

Таков Сайлас. Таков он был всегда. Когда мы опаздываем, он докладывает о каждом этапе своих сборов. Мой муж превращается в метроном, отсчитывающий предметы одежды.

— Я только выхожу из душа! — крикнула я в ответ.

Что было неправдой. Но я уже почти вытащила тот клочок. Потянув вешалку на себя, я ощутила небольшое сопротивление. И вот он вышел — комок темных волос в мыльной плаценте. Размером с мышь. Я потыкала в него кончиком проволоки. Это были мои волосы.

Это были не мои волосы.

Это были ее волосы.

Стук в дверь.

Сайлас заглянул в ванную, прежде чем я успела откликнуться.

— Уиз? Ты как тут?

Раньше он так не поступал — не вламывался ко мне. Но я решила, что не буду заострять на этом внимание — по крайней мере сейчас, хотя бы сегодня, потому что знала, как он тревожится, всегда

тревожится. И Сайлас обращался со мной бережно — очень бережно, словно я наполненный до краев стакан воды, который ему приходится носить из комнаты в комнату, разыскивая того, кто попросил попить. Но бывало иначе, когда тревога напрочь лишала его этой бережности, делала беспардонным — вот как сейчас с дверью.

Сайлас открыл дверь пошире. Он не сразу заметил, что я сижу в ванне перед комком мокрых волос.

— Фу.

Что тут еще скажешь.

— Это не мои волосы, — сообщила я ему.

Они правда были не мои. Сразу после возвращения из больницы я отправилась к парикмахерше и попросила ее укоротить мне волосы до подбородка. Женщина избавляется от длинных волос в знак серьезной жизненной перемены. Клише? Само собой. Но я решилась на это по другой причине. Я решилась на стрижку, потому что мне нравится, когда ветер холодит шею.

— И не мои. — Сайлас провел рукой по голове и широко улыбнулся.

Когда-то давно волосы у Сайласа были до плеч, забивали сток в душе, падали мне на лицо во время секса. Теперь же он стригся коротко, и под определенным углом в определенном свете было видно, как поблескивает его макушка.

— Это *ее* волосы, — сказала я. — Твоей первой жены. Ну и дикаркой же она была! У нее хоть расческа-то имелась?

Сайлас натянуто улыбнулся. Я знала, что ему не нравятся эти шуточки про «первую жену», но удержаться не смогла. Научусь сдерживаться, как только разберусь с самой собой.

— Окей, — сказал Сайлас. — Смешно. Но, может, все-таки?..

— Знаю-знаю, сейчас оденусь.

Сайлас отвел взгляд, а я осознала, что все еще обнажена. С тех пор как комиссия вернула меня к жизни, я стала стесняться своего тела, хотя прежде никогда не стеснялась — даже во время беременности. Теперь меня смущало не то, как оно выглядит, а то, *чем* оно является, сам факт его существования. Мягкая плоть мочек, узелок пупка, спиралевидные узоры на кончиках пальцев — все это я чувствовала. Я была в своем теле. Я была своим телом. Была жива. Я бурлила и кипела в самой себе, будто меня залили в тело до самых краев. Я встала, и с меня слетели последние капельки воды.

— Просто у Тревиса пунктик насчет вечеринок, — пояснил Сайлас.

Тревис, его коллега, — виновник сегодняшнего праздника. Круглая дата. Тридцать? Сорок? Точное число вылетело из головы.

— Он считает, что все должны приходить к назначенному времени, как на работу.

— Ну-у, — протянула я, подразумевая: «Ведь это и есть работа?»

Сайлас подал руку, помогая мне выбраться из ванны.

— Эй. — Он притянул к себе мою кисть, словно хотел ее поцеловать. — Мы можем переиграть.

— Не можем.

— Можем остаться дома, посмотрим кино. Закажем пиццу. Или что-то вроде того.

— То есть займемся тем же, чем занимались каждый вечер после моего убийства?

Сайлас скривился. «Мое убийство» — его бесит, когда я произношу эти слова.

— Я просто говорю, что, если вечеринка — это слишком... — начал он.

— Не слишком.

— Если, по-твоему, рановато...

— Не делай из мухи слона. Это же просто вечеринка.

Он наклонился и осторожно меня поцеловал. Я ответила на его поцелуй — неожиданно для Сайласа долго и страстно. Ощущение было знакомым: слегка обветренные губы, за ними — ряд твердых зубов.

Я отстранилась.

— Я хочу на вечеринку.

— Я тебе верю, — сказал Сайлас, обалделый после поцелуя.

Экран вспыхнул.
— Няня пришла.

Сайлас спустился к Прити — после нее в банке с сырным соусом всегда оставались крошки от чипсов, и она тайком фотографировала меня и отправляла снимки своим друзьям, — а я принялась одеваться. Достала пару чулок, распутала их. Мне правда хотелось сходить на вечеринку — тут я не солгала. Да, не так давно меня убили, но я снова жива. Мне хотелось выжимать жизнь досуха, до последней капельки. Съесть свою порцию с горкой, соскребая еду со дна. Чувствовать, как ветер холодит шею. Смеяться, трахаться и прочищать сток в ванне. Натягивать вот эти самые чулки на эти самые ноги.

Черт. Ноготь проткнул чулок, пошла стрелка. Смотав чулки в клубок, я бросила их малышке, сидевшей в детском пезлонге у моих ног. Нова, посясывая большой палец на ноге, потянула чулки в рот. Я отыскала в шкафу брюки, надела их, подпоясалась ремнем. И тут заметила на дне шкафа ее — зеленую холщовую сумку, с которой когда-то ходила в спортзал. Сумка была плотно набита и застегнута.

За спиной у меня пискнула Нова. Чулок уже был у нее во рту. Меня пронзило стыдом, как электрическим разрядом. Чулки: опасность удушья. И я сама ей их дала. Надо быть сознательнее, внимательнее, осторожнее.

— Прости, пухляш. Это я у тебя заберу.

Я вытащила малышку из шезлонга и вынула у нее изо рта чулки, влажные от ее слюны. Она так выросла, стала такой крупной девочкой, очаровательным пухляшом — одной рукой уже не удержишь. Девять месяцев. Она провела снаружи столько же времени, сколько внутри меня. (Не меня.) Лишившись чулок, Нова принялась выгибаться в моих руках. И вдруг завопила во всю глотку, словно только это и приносило ей радость в жизни.

До того, как меня убили, Нова столько не плакала — вообще не плакала. Она издавала множество других звуков: лепетала, чавкала, пукала и причмокивала, — и вид ее блестящих десен ошпаривал, выглядели они как то, что не следует никому показывать, эдакий влажный розовый секрет. Да, конечно, иногда Нова хныкала, чаще всего во сне — наверное, ей снилось что-то тревожащее, — и ее крошечная мордашка сморщивалась, как мятая тряпица. Но она не плакала. *Младенцы плачут*, говорили все. Вот только Нова не плакала. До тех пор, пока я не исчезла из ее жизни, а потом не объявилась снова спустя несколько месяцев, будто сыграла с ней в самые жуткие прятки на свете. Теперь, стоило мне взять ее на руки, она начинала плакать, просто заходилась ревом.

Сайлас вернулся и вскинул брови при виде вопящего младенца. Меня снова пронзило разрядом стыда, на сей раз более мощным: я забыла закрыть дверцу шкафа, на дне которого лежала зеленая

холщовая сумка, и если Сайлас сейчас бросит взгляд мне за плечо, то увидит... Я попятилась и, лягнув дверцу, захлопнула ее.

— Давай-ка ее сюда. — Сайлас шагнул ко мне и протянул руки. — А сама рубашку надень.

— А я-то собиралась так и пойти.

— Вот Тревис обрадуется. — Сайлас вытянул руки. — Давай ее мне.

Сайлас — замечательный мужчина, с этим согласны все. У него ясная голова, он крепко стоит на ногах. Но малышку я ему не отдала. Напротив, обняла ее покрепче. Заключение в объятия самого ненавистного ей человека, то бишь меня, она завопила еще отчаяннее. Я уткнулась лицом ей в макушку — слава богу, кости черепа наконец-то срослись. Когда Нова только родилась, я боялась, что проткну ей родничок пальцем, как мальчик из детской считалочки проткнул пирог со сливами¹. Опасалась, что нечаянно сдавлю ей грудную клетку и та раскрошится, как упавший винный бокал. Эти страхи уже давно отступили, поскольку я осознала, что существует масса других способов навредить ей — что я непременно и сделаю.

— Все хорошо, — сказала я малышке. — Все хорошо, пухляш. Тише. — Сайласу: — От меня,

¹ Отсылка к известной с XVIII века английской считалке Little Jack Horner («Малец Джек Горнер»), в которой мальчик ест пирог, вынимая из него начинку руками.

наверное, до сих пор больницей пахнет. Вот она и плачет. Младенцы и собаки способны чувствовать то, чего не чуем мы, так ведь?

— Собаки и пчелы, — поправил Сайлас. —
Страх.

— Страх собак и пчел?

— Нет, собаки и пчелы способны чувствовать страх.

— Значит, младенцы способны чувствовать дух больницы.

— Ну, полагаю, все они там бывали.

Сайлас старательно держал лицо, но я все равно догадалась, что он подумал: я провела дома три месяца — каким бы духом больницы я ни была пропитана, он уже давно выветрился.

Сайлас нахмурился.

— Уиз...

— Все нормально, — перебила я его. — То, что она плачет, — нормально. Правда. — Я усадила малышку обратно в шезлонг, где она тут же притихла. — Смотри. Она успокоилась.

— Ты уверена, что не хочешь?..

— Мы идем на вечеринку. — Я надела блузку и решительно принялась застегивать пуговицы, чтобы Сайлас понял, насколько серьезно я настроена. — Отнеси малышку к Прити. Я спущусь через минуту.

Когда Сайлас зашагал вниз по лестнице, я метнулась обратно к шкафу. Сумка лежала на своем месте. Да и куда ж ей деться? Я расстегнула молнию

на пару дюймов — внутри виднелась форма для спортзала. Под одеждой были спрятаны мой паспорт, карточка социального страхования и еще несколько предметов первой необходимости, а также браслет, который папа подарил мне на восьмой день рождения, и конверт с остатками засушенной пуповины Новы.

Я собрала эту сумку спустя несколько недель после рождения дочери и в тот момент сказала себе: это вовсе не значит, что я намерена бросить семью. Собирая сумку, я всего лишь пыталась справиться с невыразимым, со всеми теми чувствами, коих не испытывала, с пульсирующей бездной ужаса на месте радости материнства — того непоколебимого, живительного счастья, которым, как меня уверяли, я должна была преисполниться. Я ощущала умиротворение, пока собирала сумку, пока складывала аккуратными стопками одежду, прятала ценные вещи на дно, застегивала молнию, запечатывая все, что внутри. С тех пор меня успели убить и клонировать, умертвить и оживить. И теперь собранная сумка виделась мне тем, чем была на самом деле: чуть ли не роковым промахом, почти случившимся провалом, ужасной, чудовищной ошибкой. Моя Нова. Мой Сайлас. Как мысль бросить их вообще пришла мне в голову? Я задвинула сумку поглубже в шкаф и захлопнула дверцу. Завтра распакую. Сайласу ни к чему знать об ее существовании.

Муж ждал меня внизу. Я вернулась в ванную за тушью и помадой. И пудрой. Я застыла с пуховкой у подбородка и принялась разглядывать себя, склоняясь к зеркалу все ближе и ближе, пока не уперлась кончиком носа в стекло.

— Я здесь, — сказала я себе. — Я здесь, и я иду на вечеринку.

НЕЗНАКОМЦЫ

За год до убийства меня начали узнавать незнакомцы. Впервые это случилось в начале беременности, когда Нова была лишь незаметной припухлостью живота. Прохожие вдруг стали пялиться, оборачиваться на меня. Билетеры улыбались мне и приветствовали: «И снова здравствуйте!» Официанты озадаченно спрашивали: «Откуда я вас знаю?» Я терялась в догадках. Неподалеку поселилась горстка дальних родственников? Какая-то похожая на меня актриса обрела известность?

Однажды, в разгар второго триместра, мой босс Хавьер заявился ко мне домой, весь звенящий от тревоги — даже усы его, кажется, вибрировали.

— Хави, что случилось? — выйдя на крыльцо, спросила я.

Он схватил меня за плечи. Я ни разу его таким не видела. Хави всегда был расслабленным, неизменно беспечным и веселым. Его стиль руководства

заключался в том, чтобы, сидя у себя в кабинете, сквозь открытую дверь выкрикивать комплименты подчиненным.

Хави у меня на пороге был совершенно иным человеком, испуганным и напряженным. Только что в центре, сообщил он, на уличном экране краем глаза он заметил новость об убитой женщине. И принял ее за меня. Даже взглядевшись как следует и осознав, что ее лицо только похоже на мое, а имя вообще другое, он не мог отделаться от ощущения, что она — это я. Ему нужно было повидаться со мной лично, сказал он. А затем прижал ладони к моим вискам и вздохнул с облегчением, словно до того опасался, что руки пройдут сквозь мой череп и сомкнутся.

Так и разрешилась загадка. Вот кого я напоминала незнакомцам — одну из тех женщин, что тут и там гибли по всему городу, одну из тех женщин, о которых все время рассказывали в новостях, одну из тех женщин, рядом с трупами которых обнаруживали туфли, что аккуратно стояли рядом, будто ждали, когда хозяйки встанут и снова обуются.

После ухода Хави я подошла к зеркалу в прихожей, вывела фото погибшей на экран и сравнила наши лица — два бледных овала в отражении. Белые женщины с длинными темными волосами примерно тридцати лет. Впрочем, она, эта Ферн, была привлекательнее меня: яркая, а не тусклая, изящная, а не простушка, с гармоничными чертами, а не

наоборот. Однако, наклонив голову под определенным углом и немного прищурившись, я увидела то, что видели незнакомцы. Мы были похожи.

Я вылила на голову бутылку краски для волос — алой, почти багряной. На линии роста волос осталось розовое пятно, как ожог. Но ничего не изменилось. Незнакомцы все так же останавливали меня. Все так же задумчиво прищуривались. Все так же пытались вспомнить, знакомы ли мы. Я научилась терпеливо замирать, дожидаясь, пока они переберут в уме всех бывших одноклассниц и местных телеведущих из прогноза погоды. Научилась улыбаться и говорить: «Такое вот у меня типичное лицо».